

МИФ ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д. Ю. Полиниченко

Кубанский государственный технологический университет

Поступила в редакцию 9 сентября 2012 г.

Аннотация: в статье рассматривается миф о примордиальном (изначальном) языке во взаимосвязи с лингвистическим национализмом. Прослеживается эволюция подобных идей в России и за рубежом, выявляются их общие черты.

Ключевые слова: лингвистические мифы, лингвистический национализм, праязык, примордиальный язык, наивная лингвистика, любительская лингвистика, история лингвистики.

Abstract: *the paper deals with the myth of the primordial human language and linguistic nationalism. The evolution of such ideas both in Russia and abroad is examined, their common features are displayed.*

Key words: *linguistic myths, linguistic nationalism, proto-language, primordial language, folk linguistics, history of linguistics.*

В любом человеческом обществе существуют массовые представления о языке. В. Б. Кашкиным были выделены мифологемы и системы мифологем, в которых кристаллизуются представления наивного пользователя языка [1, с. 18–31]. Одной из составляющих этого списка является мифология языковой и культурной границы, включающая оценочные представления о «характере» языков и другие межкультурные стереотипы. Различные языки получают разнообразные оценки, а родной язык пользователи считают наиболее красивым, правильным и точным (т.е. значения в нем «правильно» соответствуют вещам) [там же, с. 19, 24].

Эта мифологема имеет широкое распространение во времени и пространстве. Так, уже древние египтяне проводили четкое разделение между египетским языком и всеми иными: египетские глаголы речи «говорить» и «вещать» относились только к египтянам, а чужеземцы не «говорили», а «лопотали», «бормотали», что, по мнению египтян, зависело от неправильного положения языка во рту [2]. Подобный лингвоэтноцентризм встречался и в Древней Греции: Аристофан следует уже определившейся для V в. до н.э. традиции, сравнивая звучание варварской речи с щебетом ласточки и утверждая, что варвары вовсе не владеют языком [3, с. 44–45].

Однако в зависимости от обстоятельств подобные оценки могут варьироваться в широком диапазоне. У. Эко отмечает, что в начале новой эры греки воспринимали чужую, «варварскую» речь уже не как бессмысленный набор звуков, а скорее как притяга-

тельную и полную тайн [4, с. 23]. В послевоенной Японии высказывалось мнение о желательности отказа от японского языка вообще [5, с. 103], а среди носителей русского языка в последние годы отмечается не только неприятие чужого языка, но и, наоборот, заметное стремление к нему [6]. Таким образом, языковое сознание пользователя языка может занимать крайние позиции по отношению к родному языку.

В данной работе мы постараемся проследить один из аспектов лингвистической мифологии подобного рода – развитие апологии родного языка как исключительного и древнейшего, первоначального, примордиального.

В раннем Средневековье статус народных языков и диалектов не мог сравниться со статусом священных языков, к которым причислялись еврейский, греческий и латинский. Любопытным примером апологии родного языка является предпринятая ирландскими грамматистами в VII в. попытка выявить преимущества народного гэльского языка перед латинской грамматикой. В труде «Предписания поэтам» структура языка сравнивается со строением Вавилонской башни, исходя из предпосылки, будто гэльский язык – первый и единственный, успешно переживший столпотворение. Этот первоначальный и тем самым сверхъестественный язык сохраняет следы изоморфизма с истинным порядком творения и устанавливает некую иконическую связь между грамматическим родом и означаемым предметом [4, с. 26]. Отметим, что подобная апология тесно связана с религиозными представлениями и является нетипичной для своего времени.

К концу Средних веков происходят значительные изменения во многих областях общественной жизни Европы. Постепенно формируется новая социокультурная парадигма – модерн, чьей главной тенденцией является секуляризация [7, с. 33]. Происходит формирование крупных европейских государств. Растет интерес к народным языкам: печатаются их первые грамматики, на них переводится Библия. Из естественных оценочных представлений о языке вырастает то, что можно назвать лингвистическим национализмом. В нем проявляется партикуляристская ипостась модерна (другая ипостась – универсалистская – проявляется в грамматике Пор-Рояля и подобных рационалистических проектах): в вопросе о месте родного языка среди всех прочих на первый план выходит уникальное, а не общее.

С момента утверждения христианства как господствующей религии древнейшим языком считался язык Адама, под которым обычно понимался древнееврейский. В эпоху Возрождения представления о еврейском языке как о языке священном претерпевают кризис [4, с. 92], а начиная с XVI в. лингвистический национализм проявляется не только в форме апологии конкретного народного языка, но и в форме приписывания ему статуса примордиального. Как замечает У. Эко, эти притязания на первозданность рождаются уже не из стремления к религиозному согласию, но из гораздо более конкретных государственных соображений, в чем их авторы более или менее отдают себе отчет [4, с. 109].

Пожалуй, первопроходцем в данной сфере является фламандский медик и ориенталист Горопий Бекан (Ян ван Горп, 1519–1572), который в труде «Origines Antwerpianae» («Происхождение Антверпена», 1569) поддерживает идеи о боговдохновенном первозданном языке, в котором существует мотивированная связь между словами и предметами, и находит эту связь, яснее всего выраженной в антверпенском диалекте голландского языка. Согласно его утверждениям, предки антверпенцев, кимвры, происходят по прямой линии от сыновей Иафета, которых не было у Вавилонской башни и которые тем самым избежали смешения языков. Так они сохранили язык Адама, что доказывается через этимологию, а также исходя из того, что в голландском языке больше всего односложных слов. Этот язык, согласно автору, превосходит все другие языки богатством звуков и предоставляет исключительные возможности для словообразования [4, с. 103–104; 8].

В следующем столетии эта тема была развита Абрахамом Милиусом (1563–1637) и Адрианом Шрикиусом (1559–1621), который пытался показать, что «еврейский язык есть язык божественный и первожденный», а «тевтонский язык идет сразу после него», где под «тевтонским» подразумевается нидер-

ландский (этимологические доказательства аналогичны таковым у ван Горпа) [4, с. 104].

Сочинение ван Горпа привлекло внимание шведского языковеда и собирателя памятников рунического письма Юхана Буре, отождествлявшего античную Гиперборею со Скандинавией [9]. Под влиянием Буре гиперборейской темой заинтересовался другой шведский филолог и поэт – Георг Стернхельм (или Шерньельм, 1598–1672). Согласно Стернхельму, все языки Старого света происходят от одного языка – языка Адама и Ноя. Разделение языков началось с сыновей Ноя, а индоевропейская семья, называемая автором скифской, произошла от языка Иафета [10, с. 1125]. Интерпретируя в этимологическом ключе топонимы, теонимы и антропонимы античных источников, Стернхельм доказывал, что шведы в большей степени сохранили допотопный язык, чем все прочие народы [11, с. 164].

Однако самым известным представителем шведского лингвистического национализма суждено было стать Олафу (Улаву) Рудбеку (1630–1702), по имени которого было названо целое направление шведской исторической мысли (рудбекианизм). Рудбек считал, что платоновская Атлантида – это Швеция и что именно Швеция является колыбелью европейской культуры. Для доказательства этого тезиса широко использовались этимологические построения. Имена римских и греческих богов и героев выводились из шведского языка [9, 11]. Рудбек также предположил, что изначальный язык был моносиллабическим. Из современных автору языков на роль такового больше всего подходил шведский, так как в нем больше всего односложных слов. Буквы алфавита также произошли из Скандинавии [10, с. 1125–1126].

На роль языка, более других сохранившего свою первозданную чистоту, претендовал и немецкий. Так, немецкий поэт Георг-Филипп Харсдорфер (1607–1658) утверждал, что немецкий язык – это язык самой природы [4, с. 106]. Похожие идеи появляются у филолога Иустуса-Георга Шоттеля (1612–1676), превозносившего немецкий язык за его чистоту как наиболее близкий к языку Адама [12, с. 3–24].

Ксендз-францисканец, доктор теологии Войцех Дембolenцкий (1585–1646) доказывал права древнейшего в Европе Королевства Польского (или Скифского) на мировое господство, опираясь на родословные. Но автор приводил и лингвистические аргументы. Лишь один язык из ныне существующих может претендовать на статус изначального (соответственно, сакрального и истинного). Таковым, несомненно, является «славянский» (по сути польский), который Дембolenцкий отождествлял с первым в мире сирийским языком. Прочие языки происходят от славянского. В пользу «первичности» славянского языка приводился остроумный аргумент: никакой иноземец

не выговорит слов *chrzest, trzpiec, trzmiel* и им подобных [8].

В XVIII в. британец Роулэнд Джонс (1722–1774) утверждал, что первоначальным языком был кельтский, а все слова можно произвести из односложных корней [13]. Он писал, что «никакой другой язык, кроме английского, не может так же приблизиться к первому универсальному языку, к его природной точности и соответствию между словами и предметами, в той самой форме и манере, в какой мы его представили, как универсальный язык» [4, с. 108–109]. Идеи Джонса повлияли на лексикографа и грамматиста Уильяма-Оуэна Пью (1759–1835), согласно которому с первоначальным языком в тесных отношениях состоит валлийский и значение элементов первого можно узнать, изучая второй [14].

В XIX в. в связи с бурным развитием лингвистики произведения подобного рода, хотя и продолжают появляться на свет (вновь оживают нидерландская [4, с. 104] и польская [8] гипотезы), уже воспринимаются как курьезы. Лингвистический национализм продолжает свою жизнь, но обретает другие формы.

В России стремления обосновать статус русского языка как примордиального отмечаются несколько позже. Пожалуй, первым это сделал В. К. Тредиаковский (1703–1769), который пытался вывести из славянских (русских) корней практически все европейские топонимы и этнонимы, имена героев и богов классической древности и т.п. Тем самым он хотел доказать, что древнейший народ Европы, предок большинства европейских народов, говорил на славянском языке [15; 16, с. 205–209].

Схожие идеи высказывались А. П. Сумароковым (1717–1777). Подобно своим голландским и шведским коллегам, он полагал, что «коренные слова» являются «единосложными», а русские слова короче слов других языков. Отсюда им делался вывод, что русский язык ближе к своему источнику, чем другие языки. В попытках доказать древность русского языка А. П. Сумароков использовал такую же фантастическую этимологизацию, как и В. К. Тредиаковский [16, с. 210–212].

С течением времени подобные идеи теряли свою популярность, но все же дожили до XIX в. Прежде всего следует упомянуть А. С. Шишкова (1754–1841), в сочинениях которого утверждалось, что «язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных» (таков подзаголовок его книги «Славянорусский корнеслов»). Поэт и драматург В. В. Капнист (1758–1823) в произведении «Краткое изыскание о гипербореях» (1815) также поднимал тему избранности и древности русского языка, доставшегося русским в наследство от гиперборейцев [17]. Этнограф П. А. Лукашевич (1809–1887) языком первобытного мира полагал «славянский». Его творчество, не нашедшее

понимания у современников, отличается масштабностью полета мысли и может рассматриваться как проявление графомании [18].

Схожие взгляды излагались некоторыми представителями движения славянофилов, чья общая идея об уникальности русского исторического пути переносилась и на почву лингвистики. Так, К. С. Аксаков (1816–1860) пытался обосновать тезис об исключительности русского языка, стоящего «ближе всех европейским к общему источнику слова» [19].

Можно констатировать, что к XX в. подобная форма лингвистического национализма перестала привлекать сколько-нибудь значимое внимание и осталась уделом одиночек-маргиналов: она слишком явно вступала в противоречие с накопленными лингвистикой к тому времени данными и не могла рассчитывать на признание в научных кругах даже в качестве гипотезы. Пожалуй, единственным примером краткого торжества взглядов подобного рода может послужить так называемая «солнечная языковая теория», временно получившая государственную поддержку в кемалистской Турции. В ней статусом древнейшего языка человечества наделялся турецкий [20].

Тем не менее начиная с конца XX в. в Восточной Европе, прежде всего на постсоветском пространстве, можно наблюдать всплеск активности авторов, разрабатывающих и пропагандирующих построения подобного толка [21]. Примечательно, что энтузиастами также переиздаются труды А. П. Лукашевича и А. С. Шишкова.

Можно отметить тождественность направления мысли российских авторов (как правило, не имеющих филологического образования) конца XX–начала XXI в. и их предшественников XVIII–XIX вв. Некоторые из современных авторов полагают, что современный русский язык лучше всех иных языков сохранил в себе элементы индоевропейского или даже всеобщего человеческого праязыка. Часто встречающимся утверждением является тезис о том, что русский язык является языком-прародителем других языков, в первую очередь индоевропейских. Русскому языку также приписывается обладание характеристиками, возносящими его над другими языками [22].

Следует отметить, что, хотя идеи авторов XVI–XVIII вв. иногда высмеивались современниками, в общем они находились в равном положении со своими оппонентами. В XIX в. ситуация изменилась: любые попытки добиться признания обязывали авторов реагировать на положения современной им лингвистической науки, противоречащие их построениям. Так, С. К. Булич отмечал, что российские сторонники «дилетантского языкознания» XIX в. демонстрировали «презрительное отношение к ограниченной европейской науке» [16, с. 213].

В наши дни многие современные российские авторы-любители продолжают выходящие за рамки научной этики традиции прошлого, используя целенаправленную стратегию дискредитации, объектом которой становятся как академические концепции, так и конкретные люди и институты. Профессиональным исследователям приписываются такие отрицательные качества, как некомпетентность, консерватизм, слепое следование авторитетам, недобросовестность, идеологическая ангажированность, служение врагам русского языка, русского народа и «подлинной истории» [23].

Представляется, что популярность подобных идей основывается не только на слабом распространении представлений научного языкознания в обществе. С одной стороны, на всем постсоветском пространстве очевидны ценностный кризис и поиски самоидентификации. С другой стороны, в эпоху постмодернистской идеи, казалось бы, давно отжившие свое, неожиданно оказываются востребованы. Человек, испытывающий дискомфорт в условиях кардинальной ломки прежних устоев, испытывает притяжение к подобным лингвистическим и в большинстве случаев неразрывно связанным с ними этноисторическим мифам: они позволяют ему обрести уютную нишу в безбрежном море постмодернистского плюрализма [24]. Лингвистический национализм вновь берет на вооружение миф о примордиальном языке, который таким образом возвращается в современную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашкин В. Б.* Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2002. – С. 4–34.
2. *Петровский Н. С.* Представления древних египтян о языковых явлениях / Н. С. Петровский // История лингвистических учений. – Т. 1 : Древний мир. – Л. : Наука, 1980. – С. 7–17.
3. *Шубина М. М.* Образы эллинов и «варваров» в трудах древнегреческих философов / М. М. Шубина // Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 1. – С. 41–46.
4. *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб. : Александрия, 2007. – 423 с.
5. *Алпатов В. М.* Японские стереотипы в отношении языка / В. М. Алпатов // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М. : РГГУ, 2009. – С. 101–113.
6. *Цивьян Т. В.* Перемены в русском языке / Т. В. Цивьян // Res Linguistica : к 60-летию доктора филологических наук, профессора В. П. Нерознака. – М. : Academia, 2000. – С. 206–214.
7. *Малер А. М.* Философия консерватизма : противоречия и преодоления / А. М. Малер // Современный

русский консерватизм : сб. статей. – М., 2011. – С. 25–41.

8. *Юдин А.* Новая украинская мифология / А. Юдин // Неприкосновенный запас. – 2000. – № 1 (9). – Режим доступа: http://kapija.narod.ru/Ethnoslavistics/yud_ukrmifologija.htm

9. *Грот Л. П.* Истоки норманизма : шведская гипербориада и Г. З. Байер / Л. П. Грот // История государства. – Режим доступа: <http://statehistory.ru/1412/Istoki-normanizma-shvedskaya-giperboriada-i-G-Z--Bayer/>

10. *Hovdhaugen E.* The Study of early Germanic languages in Scandinavia : Inre, Stiernhielm / E. Hovdhaugen // History of the language sciences. – Berlin ; New York : de Gruyter, 2001. – Vol. 2. – P. 1124–1129.

11. *Маслова-Лашанская С. С.* [Примечания] / С. С. Маслова-Лашанская // Вессен Э. Скандинавские языки. – М. : УРСС, 2005. – С. 141–166.

12. *Jones W. J.* Images of language : six essays on German attitudes to European languages from 1500 to 1800 / W. J. Jones. – Philadelphia : John Benjamins publishing company, 1999. – 297 p.

13. *Rowlands W. JONES, ROWLAND / W. Rowlands* // Welsh Biography online. – Режим доступа: <http://wbo.llgc.org.uk/en/s-JONE-ROW-1722.html>

14. *Williams G. J. PUGHE, WILLIAM OWEN / G. J. Williams* // Welsh Biography online. – Режим доступа: <http://wbo.llgc.org.uk/en/s-PUGH-OWE-1759.html>

15. *Клубков П. А.* Этимологии Тредиаковского как факт истории лингвистики / П. А. Клубков // Humanitāro zinātņu vēstnesis. Daugavpils universitāte. – 2002. – № 2. – С. 58–68. – Режим доступа: <http://www.grammatik.narod.ru/trediak.html>

16. *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России / С. К. Булич. – СПб., 1904. – 1262 с.

17. *Майофис М.* Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В. В. Капниста / М. Майофис // Toronto Slavic Quaterly. – 2005. – № 13. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/majiofis13.shtml>

18. *Милявский В. М.* Творчество психически больных / В. М. Милявский // Журнал «Самиздат». – 2002. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/m/miljaws kij_w_m/doc224.shtml

19. *Серио П. К. С.* Аксаков : лингвист-славянофил или гегельянец? / П. Серио // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 31–42.

20. *Рыньков Л. Н.* Разоблачение пантюристской сущности современной турецкой лингвистики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Рыньков. – М., 1951. – Режим доступа: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/Rynkov51.html>

21. *Полиниченко Д. Ю.* Любительская лингвистика : проблемы номинации и определения феномена / Д. Ю. Полиниченко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 187–191.

22. Полинченко Д. Ю. Русский язык в зеркале любительской лингвистики : общий обзор / Д. Ю. Полинченко // Изучение творческого наследия Л. Н. Толстого в вузе и школе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции с международным участием. Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 15 декабря 2010 г. / под общ. ред. М. Ш. Кагармановой. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2011. – С. 136–141.

Кубанский государственный технологический университет

*Полинченко Д. Ю., кандидат филологических наук,
доцент кафедры научно-технического перевода
E-mail: dpol@bk.ru*

23. Полинченко Д. Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики / Д. Ю. Полинченко // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 4 (34). – С. 196–202.

24. Шнирельман В. А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России / В. А. Шнирельман // Вестник Омск. гос. ун-та. – 1998. – Вып. 1. – С. 66–71. – Режим доступа: <http://www.omsu.omskreg.ru/vestnik/articles/y1998-i1/a066/article.html>

Kuban State Technological University

*Polinichenko D. Yu., Candidate of Philology, Assistant
Professor of the Scientific and Technical Translation
Department
E-mail: dpol@bk.ru*